

делегатів з проханням уживати в офіційному листуванні замість цієї назви слово *Iran*, оскільки саме так країну називали її жителі. З того часу нова назва країни витіснила стару, а замість прикметника, що позначав національність жителів країни, *Persian*, почали використовувати лексему *Iranian*. Незважаючи на те, що 1959 року новий уряд країни офіційно заявив про те, що можна офіційно використовувати по відношенню до країни обидві назви, *Iran* та *Persia*, загальноживаним словом у політичній сфері й досі залишається *Iran*, а лексеми *Persia/Persian* вживаються переважно в історичному і культурному контекстах [Talattof].

Не всі випадки ренеймінгу країн були успішними: нова назва Бірми (*Burma*), *Myanmar*, використовується переважно лише всередині країни, залишаючись ендонімом, у той час як в світі по відношенню до країни продовжують вживати стару назву [Name Changes Since 1990].

Таким чином, можемо зробити **висновки** про те, що неймінг є невід'ємною частиною процесу національного брендингу. В основі неймінгу та більш поширеного в сфері національного брендингу процесу ренеймінгу лежать позамовні чинники, головним чином політичного характеру: здобуття країною незалежності, зміна кордонів внаслідок об'єднання або розпаду країн. Іншими, менш поширеними причинами зміни назви країни, є негативні або небажані конотації, подібність назви країни до назви іншої країни.

У деяких випадках спостерігається частковий ренеймінг країни, коли зміни зазнає лише іншомовне (як правило, англomовне) ім'я країни або його правопис.

Напрямом подальших лінгвістичних досліджень неймінгу в національному брендингу може, зокрема, бути визначення критеріїв розробки адекватної назви країни, аналіз способів словотвору нових імен, розгляд прагматичних характеристик найменувань країн.

Література

Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур / Д. И. Ермолович. – М.: Р. Валент, 2001. – 200 с. *Слухай Н.В.* Лингвистические аспекты нейминга / Наталья Витальевна Слухай // Филологичні науки: синхронічний та діахронічний аспекти. – Суми: СумДУ. – 2009. – С. 397-405. *Слухай Н.В.* Психосемантика нейма (на матеріалі русскоязычных имен коммерческой сферы) / Наталья Витальевна Слухай // [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ст.: // www.scribd.com/doc/31082561/Psychosemantics-of-a-brand-name *Суперанская А.В.* Общая теория имени собственного / Александра Васильевна Суперанская. - [Изд. 2-е]. - Москва: УРСС, 2007. - 368 с. *Omer, I.* Alternative Names for Nubia / Ibrahim Omer // [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ст.: http://www.ancientsudan.org/geography_01_alternative_names.htm *Anholt, S.* Brand new justice: How branding places and products can help the developing world / Simon Anholt. – Oxford; Burlington, MA: Elsevier Butterworth-Heinemann, 2005. – 173 p. *Anholt, S.* Competitive Identity: The New Brand Management for Nations, Cities and Regions / Simon Anholt. – Palgrave Macmillan, 2007. – 134 p. *Jenkins, J.* 'Ulster' / John Jenkins // [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ст.: <http://www.ulsternation.org.uk/ulster.htm> *Name Changes Since 1990: Countries, Cities, and More* // [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ст.: <http://www.mapping.com/changes.shtml> *Nation branding* // [Електронний ресурс]. – Режим доступу до сайту: <http://nation-branding.info> *Talattof, K.* Persian (aka Iran) or Farsi? The debate continues... / Kamran Talattof // [Електронний ресурс]. – Режим доступу до ст.: <http://www.freerepublic.com/focus/f-news/1685412/posts> *Подольская Н. В.* Словарь русской ономастической терминологии / Наталья Владимировна Подольская. – М., 1978. – 231 с. Wordnet: A lexical database of English [Електронний ресурс]. – Режим доступу до словн.: <http://wordnet.princeton.edu/>

ХАРЧЕНКО В.К.

ЛАТЕНТНЫЕ КОНСТАНТЫ НАРОДНЫХ ПРИМЕТ

В статье раскрываются скрытые концепты народных примет: наблюдение, внимание, повседневность, вера, будущее, страх. Страх выступает как «фундаментальное переживание» (М. Хайдеггер), порождающее устойчивость самого жанра приметы.

Ключевые слова: латентные концепты, примета, страх.

This paper examined a set of hidden concepts: observation, attention, the everyday, belief, future, fear. The concept of fear is considered as 'a fundamental experience' (the term of M. Heidegger) that engenders the sustainability of the very genre of superstition.

Keywords: hidden concept, superstitions, fear.

Помимо базовых концептов, которые целесообразнее при анализе примет и поверий называть криптоклассами внутри кластеров (криптокласс, например, «зеркало» внутри кластера бытовых примет), существует еще более значимая часть когнитивного пространства примет и поверий. Это имплицитные, скрытые, латентные, подспудные концепты, образующие когнитивную основу самого жанра, обуславливающие оригинальность, мощь самих криптоклассов и при этом парадоксально находящихся как бы за кадром, в тени, на задворках великой империи народных примет. Устойчивость, регулярность и частотность подтекстового «присутствия» концептов, о которых далее пойдет речь, разрешает считать их константами жанра. Почему возникла идея обращения к скрытым категориям? Как малый фольклорный жанр, примету целесообразно соотносить с такими общими категориями на карте современного лингвистического знания, как наивная картина мира, образ мира, концептуальная картина мира как итог чувственного знания, культурная память. Такое соотношение было осуществлено в

исследованиях Н.Н. Фаттаховой и М.А. Кульковой [Фаттахова 2004; Кулькова 2006]. Впрочем, дело отнюдь не только в нежелании с нашей стороны дублировать уже исследованное другими лингвистами. Слишком прозрачны эти проекции. Слишком легко вписывается примета в так называемую «наивную картину мира», и хотя известно утверждение, что наивная не значит примитивная [Апресян 1995, 38-39], тем не менее внутренняя форма термина делает его коннотативно отрицательным. Цель данного исследования заключается как раз в том, чтобы проследить, как за внешней наивностью народной приметы скрывается серьезная, психологически глубокая, грамотная установка на внимание к настоящему. Для раскрытия этой мысли необходимо опираться на другие концепты.

В этой части работы пойдет речь о константах, составляющих сущность возникновения приметы как результата специфического мышления. Это концепты наблюдения, внимания, повседневности, веры, будущего и «аккордовый» концепт страха. Одни концепты из перечисленных (страх, вера, будущее) можно отнести к предельным, точнее соотнести с так называемыми предельными категориями [Снитко 1999], другие концепты воспринимаются как рамочные (внимание, наблюдение), третьи скорее относятся к экзистенциальным (повседневность). Однако все указанные концепты объединяет их участие в строительстве огромного блока народных примет, объединяет участие их в процедуре приметотворчества. Эти концепты не лежат на поверхности, но при этом составляют сам движущий механизм возникновения примет и поверий, все вместе они поддерживают процессы и приметосохранения, и приметопорождения.

Еще раз поясним. Разбить зеркало – к несчастью. В этой примете нет слова «примечай», нет слова «верь», нет предостережения «бойся». В этой примете упомянут бытовой предмет и очерчена бытовая ситуация, но высокие слова «повседневность», «будущее», «страх» не задействованы, однако согласимся, что примета пронизана *страхом* и требованием *внимательного* отношения к сигналам *повседневности*. Поверья отличаются от примет нечеткостью языковой формы: Перед дорогой надо присесть. Давайте на дорожку сядем и помолчим. Давайте присядем. Строго определенной формы нет, а страх есть и в этом поверье.

Рассмотрим каждый из заявленных латентных концептов.

НАБЛЮДЕНИЕ само по себе процесс исключительно сложный при кажущейся простоте. “Еще небезызвестный английский епископ <...> учил, между прочим, что видение – это не есть примитивный акт зеркального отображения вещей в механизме глаза, а сложный, можно сказать, интеллектуальный процесс, в котором доминирующую роль играет нежное воспоминание, ожидание, готовность, узнавание: все, что залетает на сетчатку глаза, обрабатывается, обкатывается, шлифуется, трансформируется, переводится в знакомые ранее образы, гештальты, включается в некую систему, и если в тезаурусе гештальтов не было ничего, что можно соотнести с тем, что перед глазами, то оно и не будет увидено, воспринято, принято. <...> «без идей не увидишь и фактов»” (Евгений Федоров. Былое и думы). В силу самой своей внутренней формы (примечать, примечай!) примета нацелена на развитие НАБЛЮДАТЕЛЬНОЙ СПОСОБНОСТИ носителя языковой культуры, но для наблюдения нет мелочей, как нет и ограничительных рамок. Отсюда величайшее разнообразие приметоносителей. Приведем лишь некоторые: зяблик, малина, снег у забора (плотно к забору или не очень!), поза кошки, степень влажности соли, расположение мха на дереве, звуковое своеобразие грома.

Наблюдение соотносится далеко не только с визуальной культурой, оно охватывает сигналы всех органов чувств, гармонизируя сенсорную и слуховую, и осязательную, и обонятельную, и вкусовую. Приведем примеры «слуховых» и «осязательных» примет: *Ветер гудит в трубе – к морозу. Если в январе эхо далеко уходит – морозы крепчают. Дрова горят с треском – к морозу. Лягушки турчат на дождь, молчат на холод. ...Когда же душно и тягостно и насекомые злы и едки, то будет дождь. Коли на Анну роса холодна – и зама будет холодна.*

Прямых указаний: следы, наблюдай, смотри и т.п. в приметах не так много. *На Астафья примечай ветер: северный – к стуже, южный – к теплу, западный – к мокроте, восточный – к вёдру.*

Примета поставляет щедрый материал, разнообразные и разноплановые результаты уже состоявшихся наблюдений, сформулированных в выразительные языковые формулы, и тем самым становится средством воспитания наблюдательности. Тот факт, что наблюдения уже заражены теорией, становится неоспоримой истиной (Я. Хинтика, М. Хинтика). Н.Р. Хэнсон предположил, что все утверждения о наблюдении заряжены теорией. Мы используем слово «видеть» в ситуациях, когда речь идет далеко не о зрении невооруженным глазом, а об использовании информации, передаваемой теоретически постулируемыми объектами [Хакинг 2002, с. 10]. Характеризуя видеотренинг приметы, отметим интересную этимологическую выкладку: в переводе с греческого «теория» означает «созерцание», «зрелище», подтверждая тем самым, что созерцание уже богато зародышами более поздних теоретических обобщений.

Как языковая форма когнитивного процесса предсказания примета демонстрирует синкретические свойства мышления в целом. “В исследованиях, например, процесса восприятия обнаруживается, что в

развитой форме оно включает и память, и представление, и мышление, и т.д. То же самое выявляется при изучении мышления, представления и т.д. Вывод о том, что «все состоит из всего», к которому приходит физика (А.М. Марков), оказывается справедливым также и для психологии. <...> Этот вывод вовсе не закрывает дорогу научному анализу, как может показаться на первый взгляд. Он, думается нам, выражает требование системности исследования» [Ломов 1986, с. 20].

Концепт наблюдения, лежащий в основе приметопорождения, приметотворчества, связан с концептом внимания. О правомерности рассматривать по отношению к примете концепт «внимание» свидетельствует и первое значение лексемы «примета»: «примечанье, замечанье, объясненье, толкованье к чему» (В.И. Даль). Как психологический процесс внимание обладает вынужденной диалектикой ограничений, которую еще в позапрошлом веке заметили собиратели и исследователи примет. «1. Если сосредоточить внимание на каком-либо одном определенном предмете, то все остальные, одновременно получаемые, впечатления не доходят до полного сознания. 2. Чем большим числом предметов занято одновременно ваше внимание, тем неопределеннее будет полученное нами впечатление о каждом из них». В этих двух фактах заключаются источники бесчисленных ошибок наблюдения» [Леман 1991, с. 257].

Слишком большой набор событий настоящего затрудняет обнаружение действительно причинно-следственных связей между реалиями сегодняшнего дня и ближайшим или отдаленным будущим. Обилие таких реалий заставляет внимательно относиться к повседневности. Наряду с обрядовыми приметами, обслуживающими ритуалы религиозных праздников, а также ключевых событий в жизни человека (крестины, свадьба, похороны), имеют широкое хождение приметы буднего дня, то есть сакральное в приметах уравнивается в правах с профанным, более того, предпочтение иногда отдается профанному пространству жизни – повседневным ее заботам. Стричь ногти, причесываться, стирать детское белье, солить пищу, класть нож, подметать, шить, месить тесто, брать и возвращать деньги в долг, торговать на рынке, собираться на охоту, рыбалку – все это панорама повседневности, отражаемая в жанре примет, представляющая сам этот жанр и не замечаемая подчас из-за «нехорошего», пугающего прогноза.

Концепт ВЕРА лежит в самом ядре народной приметы как жанра. *Красному утру – верь. Не верь сему, а верь в гумне.* Мы имеем в виду не непосредственное выражение акта веры, а «методологию» веры, лежащую в основе всех без исключения примет. «Верю, потому что абсурдно». «То есть он [Будда] напомнил, что всякие чудеса есть предельные символы, указывающие на структуру наших состояний, а не реальные образцы для подражания и повторения. Это способ указать на характер веры, в том смысле, как я сказал, а не предписания, что нужно ходить по воде». «Вот этот мускул отчаяния от незнания и в то же время веры, то есть действия на основе веры, отличной от знания, иначе говоря, способность посмотреть на мир не глазами того, что ты знаешь заранее...» [Мамардашвили 2000, с. 68, 70]. Вера ведущая категория в пространстве народных примет, не случайно живучи названия самих форм: суеВЕРие, поВЕРие. Философия и есть мышление, занимающееся такими порогами мысли, которые раз и навсегда не преодолеваются» [Мамардашвили 2000]. Философия приметы как зона исследовательских усилий не прочерчивалась, не ставилась в отличие от психологии приметоверия (и суеверия вообще). Бытовая примета в абсолютном большинстве случаев «пасется», базируется, выстраивает себя как жанр и форму мышления на чувстве страха перед будущим. Внешняя парадоксальность приметоносителя и прогноза срабатывает как гипноз, обеспечивающий хорошую внушаемость. Примета как жанр широко использует то, что в современной психологии называют методом синектики – соединения разнородного как «затравка» мозгового штурма. Еще оригинальнее звучит проблематика гносеологии приметы с ее агностицизмом. «Наука уже всем доказала свою мощь и свою нужность. Не пора ли ей признаться в том, что она сама остро нуждается в знаниях, добываемых иными способами». [Мамардашвили 2000, с. 64-73]

Понимание обычно ассоциируется с научным знанием, информативностью, информированностью: больше информации – больше и понимания, однако любопытен и другой, в каком-то смысле обратный пассаж, постулирующий связь понимания с состоянием веры. «Условием успешности акта понимания в данном случае, очевидно, является состояние веры, полное и безоговорочное доверие, оказываемое получателем сообщения отправителю сообщения. Причем это относится не только к состоянию веры, обуславливающему действия М-субъекта в религиозном дискурсе. Данное условие сохраняется в самых разнообразных сферах монологической деятельности, в том числе и в политическом монологе...» [Семененко 1998, с. 55].

Следовательно, чтобы обеспечить запас понимания или акт понимания, надо «войти в ментальное состояние веры». Феномен веры санкционирует фантазию и интуицию. «Я думаю, что именно фантазия, «выдумка» создала и воспитала тоже одно из удивительных качеств человека – интуицию, то есть «домысел», который приходит на помощь исследователю природы...» (М. Горький). «...Религиозный взгляд на мир научно корректней атеистического. Нужен смелый ум, чтобы сказать: это не нашего ума дело!...» (Фазиль Искандер. Авторитет. Рассказ). Хотя церковь всегда выступала против приметоверия, но вера в приметы ближе к религиозному взгляду на мир, нежели к атеистическому. Мы уже не говорим об

очевидном: точках слияния требований со стороны религии и требований-табу, заложенных в семантике многих примет и поверий.

Еще один жанрообразующий концепт в примете – концепт БУДУЩЕЕ. «...Будущее именно постольку является будущим, поскольку несет в себе неопределенность как свое принципиальное качество» (Знание – сила. – 1990. – № 3). Известно, что с развитие русского языка характеризовалось ОСКУДЕНИЕМ ФОРМ БУДУЩЕГО времени. В диссертации «Семантика будущего времени древнерусского языка Н.В.Новикова в одной только первой главе «Будущее время Нового завета» выделяет будущее антропологическое и будущее теологическое, сакральное с вариантами: эмпирическое, или гномическое время (время коллективного знания, основанного на опыте), будущее психологического стереотипа, будущее личной модальности, будущее проповедническое, будущее предсказания, или мантическое, наконец, будущее эвристическое. “Эмпирическое время всегда сохраняет живые связи с реальным миром, закрепляясь в коллективном сознании в виде онтологических знаков – примет: Сказал (господь) народу: «Когда вы увидите облако, поднимающееся с запада, тотчас говорите: «Дождь будет» – и бывает так (Лука, гл. 12, 54). Однако знание этих примет не избавляет человека от ошибок в предсказании будущих событий, так как сам характер протекания будущего – процесс вероятностный: Он же (Иисус) сказал им в ответ: «Вечером вы говорите: «Будет ведро, потому что небо красно». А поутру: «Сегодня ненастье, потому что небо багрово». Лицемеры! Различать лицо неба вы умеете, а знамений времен не можете!» [Новикова 2004, с. 11].

Мы утратили бывшее богатство форм будущего времени, и приметы в этом отношении восполняют пробел в моделировании «потенциального» (жди дождя, к дождю) и несколько более «реального» (быть дождю, будет дождь) будущего. «Общение» с собственным будущим требует своего навыка. Эдмунд Гуссерль называл связи настоящего с прошлым ретенциями, удержаниями, а линии, простирающиеся в ближайшее будущее, – протенциями, предчувствиями, «соскальзыванием» вперед [Чередниченко 2002, с. 151]. Полагаем, что корпус национальных примет, независимо от того, сбываются они в большинстве своем или нет, учит этим самым протенциям, общению с будущим как ближайшим, так и отдаленным, «на перспективу». В той же статье Татьяны Чередниченко читаем: «...Мозг именно «тикает»... он может обрабатывать информацию лишь дискретно и для этого специально дробит на порции, квантует ее» [Чередниченко 2002].

В случае с приметами мы наблюдаем интересный феномен дробления ситуаций на микроситуации, кванты настоящего, и наполнение их семантикой будущего. Для процедуры такого наполнения используется и фоновый символизм (*Евсей – овсы отсей*), и метафора как «рефлективный мостик к ранее не замечаемому» (Ю.Б. Орлицкий). В Средней Азии лестницу, даже тяжелую, вдвоем не несут: ситуация не должна напоминать похороны. Используется символика (*Если белого голубя бросить на пожар – огонь погаснет*), используется вообще все то, что относимо к эстетике примет, но составляет отнюдь не только эстетику, но и непосредственно когницию жанра.

Концепт ПОВСЕДНЕВНОСТЬ весьма важен для понимания лингвокогнитологии примет. Приведем признание современных нейролингвистов: «Другим источником создания абсолютно оригинальных метафор является сама повседневная жизнь» [Миллс 1996]. В этой же работе приводится высказывание Карла Юнга: «Человек нуждается в символической жизни»... Только символическая жизнь может выразить потребность души – повседневную потребность, обратите на это внимание! [Миллс 1996, с. 21]. Повседневностью стали вплотную интересоваться не только психологи, но и философы. Но социальная феноменология показала, что мир повседневной жизни нельзя рассматривать как аморфную и рассеянную среду человеческого обитания. Напротив, он являет собой гетерогенную и полиморфную реальность, постоянно воспроизводящую основу, почву статистических и динамических порядков рационализованного человеческого бытия, которую необходимо всегда иметь в виду при прояснении предпосылок подлинно научного рассуждения. <...> «Стояние» эйдоса повседневности является исключительно плодотворным для культуры, так как удерживает в сохранности все произведенное, и, чем больше сохраняется, тем более оказывается там пустого места, куда может устремиться движение жизни [Егоршева 2002, с. 3-4, 19]. Повседневность предстает в крупномасштабном измерении и допускает дробление ситуаций. «Возможность подобного дробления вполне объяснима тем, что любое событие может включать в себя какое-то количество микроситуаций, так что ситуацию в принципе можно детализировать беспредельно», – пишет исследователь словосочетаний Т.А. Тулина (1974). Приметы обращают наше внимание на такие детали событий, ситуаций, повседневных действий, которые в сознании не фиксировались до знакомства с приметами: если.. то... (выливать или не выливать воду после вечернего купания ребенка, четное или нечетное число цветов должно быть в букете и в каких случаях, книзу или кверху воеет собака, левая или правая рука зачесалась). Ср. также: *Лошадь трясет головой и запрокидывает ее кверху – к ненастью. Петух, недокукарекав, затих – к несчастью. Кто начнет пол в доме мыть, да недомоет – к ссоре в семье.*

Наконец, еще одним весьма существенным латентным концептом в жанре народных примет является концепт СТРАХ. Концепт СТРАХ в приметах реализован в максимальном объеме, но почти всегда опосредованно. В материалах нашей картотеки нет слов *страх, страшно, бойся*, но имеет место масса повторяющихся слов: *смерть, болезнь, худо, несчастье, умрет, ссора, пожар, неурожай* и т.п., в основе которых лежит семантика страха как чувства, предваряющего и сопровождающего роковые события. Страх (лексемы) в приметах будто бы нет, но содержательно он присутствует, даже во многих погодных приметах. Примета носителю языка как бы говорит: мое дело тебя напугать, а твое дело – верить или не верить. Но страх бывает столь велик (к худу, к смерти, к болезни), что если даже впервые воспринимающий примету не поверит в печальный прогноз, то саму связку: событие + прогноз – легко и надолго запомнит, и в сознании список предостережений пополнится. Страх сосредоточен в правой, прогнозной части приметы, но примета дает шанс защититься от плохого предсказания. В страховочной части ритуальные действия, которые должен совершить «объект» плохой приметы, подробно прописаны, другое дело, что у многих примет третья часть со временем была утрачена, как третья часть многих поговорок и пословиц, о чем писала в своем исследовании Н.Н. Семененко [Семененко 2005].

Все выделенные нами латентные концепты народной приметы распределены по ее структуре: внимание, наблюдение, повседневность – прерогатива левой, событийной части, тогда как вера, будущее, страх концентрированы в подтексте правой части народной приметы. В страховочной части проступают такие концепты, как вера, повседневность, когда нетрудные «бытовые» действия снимают страх плохого прогноза, меняют, переворачивают карту будущего». Обратим внимание на соположение выделенных концептов: наблюдение – будущее – вера – страх (в любой последовательности!). Присутствие в свернутом виде этих концептов объясняет хронологическую и социальную устойчивость народных примет в аспекте современного социального мифотворчества. Философы, исследующие проблематику современной мифологии, пишут: «Большинство современных исследователей отмечают неустойчивость, синергетическую взаимозависимость нашего мира от любых социокультурных бифуркаций. Эта неустойчивость эпохи дополняется подвижными социальными и производственными технологиями постиндустриализма. Мир очень легко повернуть в любом направлении. Поэтому никто не исключает варианта какого-то нового «псевдомодернистского» или тоталитарно-информационного проекта. Не здесь ли кроется тайна появления новых технократических мифов, мифологии неофашизма и неокommунизма, экологизма и феминизма, «нового атеизма» и «нового утопизма»? <...> Вот на этой культурной почве произрастает и будет далее только усиливаться мифология антиглобализма, которая легко увязывается и с контркультурными феноменами прошлого столетия» [Егоршева 2002, с. 17]. Современное общество не защищено от издержек мифотворчества, и не исключено поэтому не только сохранение всего потенциала народных примет и поверий, но и порождение новых, «технократических» примет. Сохраняя примету как жанр, носители языковой культуры вместе с приметами сохраняют живыми, работающими связи между такими концептами, как вера и страх, наблюдение и повседневность, внимание и будущее.

Все вышеприведенные концепты: СТРАХ, ВЕРА, БУДУЩЕЕ, НАБЛЮДЕНИЕ, ВНИМАНИЕ, ПОВСЕДНЕВНОСТЬ – образуют герменевтику приметы. Примета – шифр будущего, код, с трудом дешифруемый, и эта трудность и, что очень важно, даже невозможность декодирования составляет основу жанра приметы.

Попробуем теперь... сочинить примету. Выйти из дома на голодный желудок – к неудаче. Современная медицина подтвердила, что отказ от завтрака приближает возможность инфаркта, да и древнейшее изречение «Завтрак съешь сам...» подчеркивает гигиеническую грамотность полноценного завтрака. Вспоминается меню традиционного английского завтрака: порридж (овсяная каша) и яичница с беконом. Таким образом, «незагадочность» сочиненной приметы, легкость ее понимания, объяснения и не столь серьезные основания для реального страха (всего лишь неудача!) эксперимент по созданию приметы не позволяют признать удавшимся. Можно осознать, почему нельзя подметать вечером (в темноте легко вымести и нечто ценное!), но самой примете это знание будто бы и не нужно. Примета строится на иррациональности требования: нельзя и нельзя! Закрытость, отсутствие объяснения составляет пружинную герменевтику приметы. Завершая разбор скрытых, подтекстовых концептов народной приметы концептом СТРАХ, мы подходим к ответу на ключевой вопрос: почему больше примет пугающих, нежели утешающих. В известном списке событий, которых больше всего боится человек, первое место занимает смерть детей. Обратимся к концепту РЕБЕНОК и выпишем концовки некоторых примет [Щепанская 2001]:

О смерти: ...крестник жить не будет; ... а то он жить не будет; ...иначе он может умереть; ...ребенку не жить; ...умрет не своей смертью; ... к скорой смерти; ... скоро умрет; ...а то умрет; ... умрет; ... умрет; ... не живуч; ... это к внезапной смерти.

О болезни: ... будут болеть и плохо расти; ... заболит; ... иначе дети будут болеть; ... у ребенка будет грыжа; ...ребенок будет задыхаться; ...у ребенка будет «родимчик»; ...младенец будет кашлять; ... будет

«сидякой»; ... иначе у ребенка будут кожные заболевания; ... будет пугливым; ... у него изо рта будет течь слюна.

О бесплодии: ... вряд ли еще будут дети; ... детей не будет.

О возможном уродстве: ...ребенок будет похож на зверя или урода; ...а то ребенок родится некрасивым; ... вырастет глупым; ...у ребенка будем «смертельный сглаз»: будет глазить не только других, но и себя.

О достатке: ... будут бедно жить.

О нравственных качествах: ... то ребенок вырастет неопрятным; ... ребенок станет вором.

Приметы типа *Если новорожденную купать в белом платье – вырастет бела и нежна* на общем пугающем фоне воспринимаются, скорее, как исключение, нежели правило жанра.

Страх, по М. Хайдеггеру, не особое настроение и отнюдь не отрицательная эмоция, а фундаментальное переживание, позволяющее человеку аутентично постичь свое бытие в мире. И все же страх справедливо считается отрицательной эмоцией, стоящей в одном «коннотативном ряду» с агрессией, депрессией, злобой, завистью, поскольку весьма тяжело переносится, переживается. Однако «на дне» (каждого?) минуса скрывается и некоторый выигрыш, не сразу замечаемый плюс.

Чувство страха защищает человека, страх необходим для сохранения жизни, хорошее безопасно, и потому язык экономит силы и больше обслуживает опасное плохое. Этим, на наш взгляд, можно объяснить преобладание отрицательной метафорики далеко не только в русском языке, преобладание слов с отрицательной коннотацией, слов, называющих отрицательные явления в окружающей человека действительности. Безопасностью хорошего можно объяснить и неравновесность оптимистических и пессимистических примет.

В приметах страх выполняет еще одну важную функцию, регистрируемую на оси: СТРАХ И КУЛЬТУРА. Чем богаче внутренний мир языковой личности, тем меньше этот человек может себе позволить. Механизм образования внутренних табу загадочен и сложен. Культура, с одной стороны, это, безусловно, богатство (смыслов, форм, функций, предметов как материального, так и духовного толка), а с другой, культура – это всегда система ограничений. Чтобы система ограничений действовала, нужно опираться на знание и на... незнание, выставляя некоторые иррациональные будто бы требования, подкрепленные национальными и межнациональными традициями табуирования. Корпус примет выступает как школа ограничения, школа культуры.

Есть в запасе еще один финальный вопрос: почему примет много? Почему много вариантов одной и той же приметы? Последний вопрос мы вообще не рассматривали, он хорошо исследован в работе М.А. Кульковой [Кулькова 2006]. Выделяемые нами латентные, «подтекстовые» концепты в приметах и поверьях: внимание, наблюдение, повседневность, будущее, вера, страх – как раз и позволяют понять необходимость ротации смысла. Под ротацией, наращиванием смысла понимается процесс построения одного и того же типа смысла несколько раз. Примете и поверью нужен запас хода, чтобы «прочитывались» подтексты, чтобы был обеспечен запас понимания внешне будто бы парадоксальных и «непонятных» прогнозных клише.

Литература

- Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-68. Егоршева, О.И. Культурно-цивилизационная специфика современной мифологии / О.И. Егоршева // Автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01 – теория и история культуры. – Белгород, 2002. – 19 с. Круглов, Д.Н. Повседневность как предмет философской рефлексии / Д.Н. Круглов // Автореф. дис. ...канд. филос. наук. – СПб., 1996. – 20 с. Кулькова, М.А. Семантика и прагматика немецких и русских народных примет: Лингвокультурологический подход / М.А. Кулькова // Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – М.: 2006. – 216 с. Леман, А.Г. Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней / А.Г. Леман // Киев: Изд-во «Украина», 1991. – 400 с. Ломов, Б.Ф. Когнитивные процессы как процессы психического отражения / Б.Ф. Ломов // Когнитивная психология: Материалы финско-советского симпозиума. – М.: Наука, 1986. – 206 с. Мамардашвили, М.К. Из краткого введения в философию / М.К. Мамардашвили // Вопросы философии. – 2000. – № 12. – С. 64-73. Миллс, Дж., Кроули, Р. Терапевтические метафоры для детей и «внутреннего человека». Пер. с англ. Т.К. Кругловой / Джойс Миллс, Ричард Кроули // М.: Независимая фирма «Класс», 1996. – 144 с. Новикова, Н.В. Семантика будущего времени древнерусского языка / Н.В. Новикова // Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 – Тамбов, 2004. – 45 с. Семененко Л.П. Монолог как тип общения. Дис. ...доктора филол.наук: 10.02.19 – теория языка. – Орел, 1998. – 360 с. Семененко Н.Н., Шипицына Г.М. Русская пословица: функции, семантика, системность. / Н.Н. Семененко, Г.М. Шипицына // Белгород: Изд-во Белгородск. гос. ун-та, 2005. – 172 с. Снитко, Т.Н. Предельные понятия в западных и восточных лингвокультурах / Т.Н. Снитко // Автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 – общее языкознание, социолингвистика, психолингвистика, 10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание; теория перевода. – Краснодар, 1999. – 33 с. Фаттахова, Н.Н. Народные приметы в русском и татарском языках: семантико-синтаксические отношения / Н.Н. Фаттахова. // Казань: РИЦ «Школа», 2004. – 192 с. Хакин, Я. Представление и вмешательство. Начальные вопросы философии естественных наук / Я. Хакин // М.: Логос, 1998. – 292 с. Чередниченко, Т. Праздничность / Т. Чередниченко // Новый мир. – 2002. – № 11. – С. 155-165. Щепанская, Т.Б. К культуре эмоций: испуг (эмоциональная саморегуляция в культуре материнства) / Т.Б. Щепанская // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова. – М.: Российск.гос. гуманит. ун-т, 2001. – С.236-265.